

А. А. Иванов

ПРАВОСЛАВНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ АРХИЕПИСКОПА НИКОНА (РОЖДЕСТВЕНСКОГО) ПРОТИВ «ЯЗЫЧЕСТВУЮЩЕГО» НАЦИОНАЛИЗМА М. О. МЕНЬШИКОВА*

В статье анализируются религиозные взгляды популярного публициста начала XX в. М. О. Меньшикова и их критика известным богословом архиеп. Никон (Рождественским). На материале публикаций дореволюционной периодики и источников личного происхождения показываются непостоянность и противоречивость религиозных воззрений Меньшикова, их постоянная трансформация, итогом которой стало разочарование публициста в преобразующих возможностях христианства и Церкви. В современной научной литературе присутствует взгляд на Меньшикова как на верного сына Православной Церкви, но такая позиция является ошибочной. Многолетняя критика архиеп. Никоном религиозной составляющей публицистики Меньшикова вскрыла грубые заблуждения публициста и указала на несовместимость его узкого националистического подхода к вопросам православной веры и церковной жизни. Охарактеризовав национализм Меньшикова как «язычествующий», владыка Никон довольно точно определил как его суть, так и угрозы, таящиеся в русском национализме, не облагороженном и не сдерживаемом каноническим учением Православной Церкви. На примере разногласий архиеп. Никона и Меньшикова доказывается, что, несмотря на восприятие либеральным и революционным лагерем правых традиционалистов (православных консерваторов) и новой генерации русских националистов начала XX в. как единого реакционного лагеря, между этими течениями существовала принципиальная разница, проявлявшаяся, в том числе, в отношении к религиозному и церковному вопросам.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, архиепископ Никон (Рождественский), М. О. Меньшиков, «Новое время», православный консерватизм, русский национализм, православие, православное духовенство, церковная жизнь, религиозная публицистика.

Имя талантливого колумниста «Нового времени», одного из видных идеологов русского национализма начала XX в. и идейного вдохновителя Всероссийского национального союза Михаила Осиповича Меньшикова (1859–1918) давно вышло из забвения. С 1990-х гг. регулярно выходят сборники его публицистических статей [Меньшиков, 1998, 2002, 2003, 2007а, 2007б, 2012 и др.], о его биографии и взглядах написан не один десяток работ [Санькова, 2011], защищены диссертации [Зверев, 2013; Орлов, 2015], проводятся «Меньшиковские чтения». Но если авторы лучших научных работ, посвященных новременскому публицисту, стремятся к объективной оценке противоречивых и весьма непостоянных взглядов Меньшикова, то публикаторы его публицистического наследия бывают весьма избирательны и тенденциозны, стремясь познакомить читателя лишь с теми текстами, которые способствуют восприятию их автора исключительно как государственника, патриота, убежденного русского националиста и защитника традиционных для монархической России скреп: православия,

Андрей Александрович Иванов — доктор исторических наук, доцент, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (andrey.a.ivanov@spbu.ru).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-09-00096 «Российское православное духовенство и русский национализм в конце XIX — начале XX века».

самодержавия, народности. Если в советское время, с подачи В. И. Ленина, называвшего Меньшикова «убежденным шовинистом» [Ленин, 1969, 106], существовало однозначно негативное восприятие личности этого публициста, то в современной России стараниями авторов и публикаторов национально-патриотического направления оценка его наследия поменялась на диаметрально противоположную: «из „реакционера“, „черносотенца“ и „мракобеса“ он стал одним из ведущих философов „русской идеи“» [Камнев, 2009, 84]. Характерны и попытки представить М. О. Меньшикова исключительно как человека глубоко верующего, верного сына Православной Церкви [Поспелов, 2003, 6–17], журналиста, снабдившего «русского человека всем инструментарием спасения» [Распутин, 2003, 174].

Как полагают исследователи биографии Меньшикова, вероятно, на специфику восприятия его трудов современными публикаторами оказала большое влияние его трагическая кончина (в 1918 г. он был расстрелян чекистами на глазах своих детей), — «отсюда желание представить Меньшикова в исключительно положительном свете без полутонов, отрицание его внутренней противоречивости» [Санькова, Орлов, 2017, 10]. Между тем ни убежденным монархистом, ни идейным консерваторм, ни поборником православия, в строгом смысле этих слов, Меньшиков никогда не был. В центре его публицистики периода «думской монархии» стояли нация и ее интересы, все же остальное волновало его постольку, поскольку могло принести русскому народу пользу или быть для него угрозой (подлинной или мнимой).

Сын мелкого канцелярского служащего из семинаристов и внук православного священника, М. О. Меньшиков, по деликатному замечанию одного из его биографов, имел «несколько „самочинные“ религиозные представления» и отличался «некоторым невниманием, нечувствованием православия» [Смолин, 2007, 12]. «Когда-то обитал Бог в душе моей, — отмечал в дневнике 30-летний Меньшиков, — теперь забрался туда искуситель. <...> Моим идеалом было некогда подвизничество, отречение от мира. Меня очаровывала нравственная красота святых угодников... <...> Затем, пройдя смутную школу развития и разврата, окунувшись в материализм (привлекательный своею правдой, достоверностью), я как-то отпал от Бога: сосуд, заключающий в себе эссенцию веры — церковную обрядность, — был разбит, и благородная эссенция улетучилась мало-помалу. Но то была вера наследственная, мне чуждая. Не пора ли создать свою веру, лично мне принадлежащую?» [Санькова, Орлов, 2017, 169–170].

В ранний период своего творчества М. О. Меньшиков был увлечен толстовством, однако по мере радикализации взглядов писателя стал критиковать крайности этого учения [Санькова, Орлов, 2017, 84–111]. Перейдя после революционных событий 1905 г. в правый лагерь, Меньшиков принял защищать консервативные ценности, включая религию и Церковь. Однако отношение к православию было у него прагматическим. В молодые годы он высказывался о религии весьма пренебрежительно, считая христианство «сводом первобытных суеверий космологического характера», набором «нелепых, противообщественных, вредных здоровой жизни мнений» и «нелепых надежд», возникших «единственно из воспаленной фантазии полудикого Востока». А потому безапелляционно заявлял: «Ничего разумного, ничего нравственного, с моей точки зрения, не заключается в христианстве...» [Орлов, 2015, 137–138]. Весьма далек он был и от православного мессианства. «Меня смущает, — писал он, — голословное и бездоказательное решение мирового вопроса: Русь православная обновит мир (а главное дело — духовно обновит), Русь православная скажет свое слово гнилому Западу... Сомневаюсь, несмотря на великий авторитет Достоевского и Самарина» [Орлов, 2015, 122]. Однако это не мешало публицисту позиционировать себя в качестве своеобразного проповедника, а то и пророка (именно такое название — «Пророк» — выбрал он для своей, так и не осуществленной, газеты). «Я проповедник, — заявлял публицист, — и проповедник священнического типа — берущий настроением, а не логикой, не аргументами» [Санькова, Орлов, 2017, 18].

Став идеологом русского национализма, М. О. Меньшиков не скрывал, что его национализм «древнейший — тот, что был у русского народа в период его становления»

[Савельев, 2007, 13]. Публицист заявлял, что «навязать вере народной вечные установления» — «кощунство»; что как «потомок православных предков» он не может иметь иных «более привычных и приятных форм веры», кроме тех, которые вошли в его сознание «с родным языком и родною мыслью», но ему «режет ухо», когда митинги монархистов «начинаются с „Царю Небесный“ и оканчиваются „Спаси Господи“» [Меньшиков, 2003, 40]. Называя себя православным христианином, Меньшиков в то же время из националистических соображений защищал духовоборов, называя их «самыми благочестивыми и чистыми душами во всем русском христианстве», и признавался, что весьма критически относится к «нашему книжному православию» [Меньшиков, 1907]. Как справедливо отмечают исследователи, отношение идеолога русского национализма к христианству «было чисто утилитарным» [Орлов, 2015, 142], причем в глубине души он склонялся к тому, что православие, как и самодержавие, «все более превращаются в отжившие национальные традиции, сохранение которых в качестве внешних форм существования нации, безусловно, желательно, но практически неосуществимо» [Стукалов, 2011, 73–74]. Признавая за христианством большое нравственное и воспитательное значение (характерно его высказывание: «Христианство — это не религия... это просто известные нравственные законы, которые делают жизнь прогрессивной и действительно человеческой» [Санькова, Орлов, 2017, 173]), публицист воспринимал православную веру не как безоговорочную истину, а как одну из мировоззренческих систем, способствующих совершенствованию человечества, оказавшуюся в силу исторических условий наиболее близкой и понятной русскому народу. Это подмечали и критики Меньшикова из правого лагеря, обвинявшие его в приверженности к национализму «без веры и царя». Лидер черносотенного Союза русского народа Н. Е. Марков, в частности, заявлял: «Для нас, русских людей, из писаний г. Меньшикова выясняется с полной очевидностью следующие два основных положения программы грядущего национального союза: 1) Полное равнодушие (если не отрицание) к православной вере, как к историческому деятелю народного единения и государственного строительства. 2) Непризнание царского самодержавия и заблаговременное признание приемлемой всякой формы правления, хотя бы то было новгородское вече или союз княжеских уделов. <...> Что скажет нам положительная программа национального союза, еще неизвестно, но мы твердо убеждены, что такое решительное и поистине дерзновенное для националистов отвержение двух членов из трехчленного символа государственной веры русского народа есть не только величайшая государственная ересь, но есть также полнейшее отрицание третьего члена — блага русской народности» [Марков, 1908]. Видный иерарх и богослов архиепископ (позже — митрополит) Антоний (Храповицкий), также придерживавшийся правых взглядов, в 1908 г., подчеркивая даровитость Меньшикова как мастера слова и сочувствуя его патриотизму и критике «изолгавшегося либерализма современных политических и литературных мерзавцев», вместе с тем замечал, что «самое дорогое сокровище, самое основное начало нашей народной жизни ему чужды; он признавался, что ему чужда религиозность, чуждо христианство, чужды церковь и молитва» [Храповицкий, 2012, 148].

Все эти сомнения и противоречия не мешали Меньшикову публично излагать свое отношение к православию, Церкви, различным вопросам религии и церковной жизни. Более того, публицист то выступал апологетом православия, Церкви и ее служителей, то публиковал вещи весьма спорные, непродуманные, или обличал архиереев, монашество, обер-прокуроров Св. Синода, вскрывал язвы церковной жизни — как настоящие, так и мнимые. Он мог подвергать критике высказывания о православии другого автора «Нового времени», известного философа В. В. Розанова, заявившего как-то, что язычество было религией света и радости, а христианство стало религией мрака и отчаяния [Меньшиков, 1995, 325], решительно отвергать паганизм [Меньшиков, 1902], и в то же время сам судить о христианстве едва ли не с языческих позиций. Поэтому неудивительно, что творчество Меньшикова то заслуживало высокой оценки архипастырей (например, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония

(Вадковского) [Поспелов, 2003, 10–11]), то вызывало у некоторых из них отторжение, как, например, у архиеп. Николая (Зиорова), считавшего публициста «не верующим во Христа, как Богочеловека» и сеющим своими статьями «часто совершенно антихристианскими... много зла в обществе» [Зиоров, 1911, 74]. И это неудивительно, так как в огромном публицистическом наследии Меньшикова можно найти тексты и глубоко православные по своему духу, и крайне чуждые, а то и враждебные ему по своей сути. «Переменчивость Меньшикова во взглядах приводила к тому, — отмечает современный автор, — что одни и те же люди в разное время отзывались о нем по-разному, а позднейшие исследователи приводили в своих работах те цитаты, которые им были в данный момент наиболее выгодны» [Орлов, 2012b, 112]. Очевидно, что сознательным врагом Церкви и православия Меньшиков никогда не был, наоборот, он находил в них много ценного и полезного для русского народа, но и безоговорочно относить всю его публицистику к православному было бы грубой ошибкой.

При таких взглядах на православие и Церковь статьи известного публициста, регулярно выходившие в «Новом времени», не могли не обращать на себя внимания видных представителей русского православного духовенства. Одним из наиболее последовательных и содержательных критиков религиозного мировоззрения Меньшикова был известный богослов, церковный публицист и активный участник монархического движения архиеп. Никон (Рождественский). Критика владыкой Никоном взглядов Меньшикова тем интереснее, что с точки зрения либерально-оппозиционного лагеря оба они являлись представителями «реакции» и чуть ли не соратниками, хотя на деле в вопросах, касающихся религиозного мировоззрения и понимания места национализма (или, точнее было бы сказать, народности) в православной системе ценностей, между взглядами архиерея и светского публициста лежала пропасть. Каждый из них, защищая в то время триаду «православие, самодержавие, народность», расставлял в ней акценты по-своему. Для владыки, вне всякого сомнения, православие стояло на первом месте, определяя отношение к остальным сочленам уваровской триады; для Меньшикова же на первом месте была нация, а православная вера оказывалась в подчиненном положении, в качестве религии, наиболее «подходящей» русскому народу.

Владыка Никон называл автора «Нового времени» «талантливым, но легкомысленнейшим в вопросах веры публицистом» [Рождественский, 2008, 267]. Учитывая, что Меньшиков с православием никогда публично не боролся, нередко поднимал свой голос в защиту интересов Церкви и православных, с симпатией отзываясь о людях искренне и глубоко верующих («сам я по монастырям не хожу, но люблю искренних, верующих людей» [Меньшиков, 1907]), критика владыкой его взглядов была корректной и первоначально весьма доброжелательной. В статье «„Хор душ“ и Церковь», владыка Никон писал: «Слава Богу: сознание, что нельзя жить жизнью, оторванную от жизни наших предков, начинает проникать в среду таких искренних публицистов, как г. Меньшиков, который в последние годы желает идти впереди других по пути раскрытия нашего национального самосознания. Правда, о православии как первой основе русского национального духа он еще говорит как-то робко, мимоходом, но и за то уже спасибо. Бог даст, если он не устыдится быть до конца искренним и глубже вдумается в суть дела, то и о православной вере нашей он заговорит с тем же горящим чувством любви, как говорит теперь о „национализме“...» [Рождественский, 2008, 54]. Свою надежду на обращение Меньшикова в человека церковного владыка объяснял тем, что все то, что пишет публицист: о «жизни рода», духовенство постоянно повторяет в отношении жизни Церкви: «Церковь есть живой организм, есть тело Христово, коего членами пребывают не те только, кто живет теперь на земле, а все от века отшедшие к Богу отцы и братия наши, матери и сестры, начиная с первозданных прародителей наших и кончая тем христианином, который примет святое крещение, сочетается с распятым Господом, пред Его вторым пришествием на землю». А потому, резюмировал архиерей, весьма прискорбно, что «такие талантливые писатели, как г. Меньшиков, сами-то живут вне Церкви и только издали

своим сердцем угадывают истину. <...> Оттого и суждения их иногда отзываются каким-то не то пантеизмом, не то еще какою-то туманною философией. Но важно уже и то, что они, благодаря своей искренности, подходят к церковному мировоззрению...» [Рождественский, 2008, 54].

Как видим, один из первых откликов владыки на творчество публициста-националиста был весьма благосклонным и по-отечески назидательным, но упорство Меньшикова в своем частном представлении о православии, которое он вольно или невольно пропагандировал со страниц влиятельного «Нового времени», постепенно изменило тон архиерея. Критикуя статью публициста на кончину графа Л. Н. Толстого, в которой, помимо прочего, содержалось осуждение церковного решения об отлучении писателя, которого Меньшиков продолжал считать «пророком» и человеком «одной праведности с о. Иоанном Кронштадтским», владыка Никон писал: «Пусть простит мне г. публицист, если я скажу, что не за свое дело он берется, рассуждая о „святынях Церкви“. Ни о Церкви, ни о ее святынях, видимо, он не имеет надлежащего понятия, и вместо того, что есть на деле, что сложилось от времен Самого Господа Иисуса Христа, от Его св. апостолов, что, как животворящая истина, вросло в сознание и сердце православно верующих миллионов, от первых веков христианства даже донныне в Церкви спасаемых, вместо всего этого он, г. Меньшиков, хочет навязать сочиненные им или же взятые у Толстого новые понятия...» [Рождественский, 2008, 141]. И тут уже голос владыки звучал значительно громче и резче: «Поистине, Толстой во сто раз честнее был, когда всенародно отрекся от Христа, от Церкви, от православия, честнее всех подобных писателей, которые, пожалуй, обидятся, если им сказать, что они — еретики, язычники, безбожники! Не пора ли нашей матери-Церкви в самом деле очиститься от таковых? <...> Ведь в сих рассуждениях Меньшикова и ему подобных интеллигентов уже не остается ни следа православного христианского учения; самые слова, употребленные им, будучи похищены у языка Церкви, получили совсем другой — антихристианский смысл» [Рождественский, 2008, 143–144]. От былого снисхождения к творчеству плодовитого публициста уже не осталось никакого следа, хотя владыка по-прежнему отдавал Меньшикову должное как человеку глубоко одаренному и искреннему. Но именно эта одаренность публициста и вызывала наибольшие опасения у архиерея, не без оснований полагавшего, что, безнадежно запутавшись в религиозных вопросах сам, Меньшиков может оттолкнуть от Церкви и своих многочисленных читателей. Продолжавшиеся же и далее весьма сомнительные с канонической точки зрения размышления Меньшикова об историчности Священного Писания и сущности христианства, которое он «на равных» сравнивал с учением Будды, заставили архиерея строго вопрошать, «не настало ли время позвать к суду церковному этого явного еретика и отступника от Православной Церкви? Не пора ли сказать ему: или покайся и отрекись от своих лживых, богохульных мудрований, или поносимая тобою Церковь вынуждена будет произнести тебе анафему! Нельзя же терпеть в недрах Церкви таких лжеучителей. Они несравненно вреднее всяких пьяниц, распутников, скажу больше: вреднее и опаснее телесных убийц, ибо убивают душу, отравляя ее сомнением и неверием, удаляя ее от Источника жизни — Христа Спасителя» [Рождественский, 2008, 269].

Большое влияние на восприятие и критику Меньшиковым церковной жизни оказывала его приверженность к идеологии национализма, нередко становившегося главным мерилом при оценке тех или иных ее явлений. Очень показательна в этом отношении его статья, вышедшая на смерть святителя Николая Японского, в которой Меньшиков, первоначально заявляя, что почивший владыка «может быть действительно и был святым», так как «пятидесятилетняя апостольская работа в далеком изгнании была не чиновной ареной наших заурядных епископов, а действительно подвигом», далее осуждал его за то, что он посвятил свою жизнь не русским, а японцам. «России принадлежит честь рождения и воспитания этого святого пастыря, но вся жизнь его и вся душа были отданы Японии, — отмечал публицист. — Не могу утаить, что эта жертва со стороны России мне всегда казалась слишком тяжелой.

При глубоком уважении к неизвестному мне лично святителю, у меня в душе жил постоянный упрек ему. Зачем он бросил свою бедную родину? Зачем он отдал себя чужой стране? Неужели в громадном отечестве нашем нет своих язычников — и в буквальном, и в переносном смысле? <...> Казалось бы, при жаркой ревности обращения неверных, как не найти их у себя дома? <...> Неужели, чудному сердцу архиеп. Николая не нашлось бы подвига в коренной России, хотя бы в родной Смоленщине? Будь это человек холодный и бездарный, равнодушный к вере, каких немало среди иерархов, — ну, такого не жаль было бы уступить и врагам нашим. Но не составляет ли нравственной измены отечеству, когда сильные духом и одаренные русские люди отдают себя служению другим народам? <...> Неужели же на пространстве одичавшей России не нашлось бы миллионов простых сердец, жаждавших утешения и святительского привета?» [Меньшиков, 1912]. В упрек миссионеру публицист также ставил то, что у него в 1904–1905 гг. «поднялась рука» на благословение православных японцев, участвовавших в войне против России, а также то, что «стремившийся оправославить Японию русский архиерей сам в значительной степени японился». Результат же миссии архиерея, которого Церковь в итоге признала равноапостольным святым, Меньшиков считал неудовлетворительным: «за полстолетия своей апостольской проповеди архиеп. Николай обратил вместе с помощниками всего лишь несколько десятков тысяч японцев. Успех в сравнении с 50-миллионным населением этой империи совсем ничтожный» [Меньшиков, 1912]. Оговариваясь, что благородство души архиерея не вызывает у него сомнения, публицист заявлял, что в другом случае он назвал бы «это стремление искать далекого подвига вместо ближайшего» «духовным карьеризмом» и желанием прославиться первым апостолом «в еще нетронутых странах». Отмечая далее, что России в данный момент «не до того, чтобы кого бы то ни было из наших соседних народов благодетельствовать и просвещать», Меньшиков заключал: «Смерть замечательного русского святителя, не нашедшего себе места в России, дает хороший повод прекратить его святое, но в общем безнадежное предприятие. *Никогда Япония не сделается православной*, а небольшой горсти любителей православия в этой стране следует предоставить их религиозные потребности их собственному попечению. Пусть выбирают своего епископа и не требуют от России более денежных жертв, ни даровитых проповедников, — последним найдется работа и в России. При обширности и разноплеменности России, при ее разнoverии, вся так называемая внешняя миссия есть хуже, чем роскошь, она вредная ошибка Церкви. Последней, как и государству нашему, нужно не разбрасываться, а собираться, накапливать уже истощенные силы для внутренней огромной работы, в смертельной степени необходимой» [Меньшиков, 1912].

Эти рассуждения, продиктованные националистическими взглядами Меньшикова, также не могли не вызвать отповеди владыки Никона. В статье с характерным названием «Язычествующий националист о святителе Николае Японском», архипастырь эмоционально вопрошал: «Невольно спрашиваешь себя: да кто он, этот публицист? Язычник или христианин? Верует ли он в Бога — не говорю уже по-нашему, по-православному, а хотя бы просто по-христиански? Или это один из тех, которых Церковь сегодня (пишу в Неделю Православия) предавала анафеме, яко глаголющих или даже хотя бы только помышляющих не быти Богу и Его Промыслу не управляти миром? Кто читал прежние писания этого неистощимого газетного говоруна, тот знает, что для него христианство уже отжило свой век, а православие и подавно — исторический пережиток, что на смену христианству идет какой-нибудь буддизм или иной модный культ... Но когда этот писатель надевает на себя личину патриота, то приходится с ним считаться» [Рождественский, 2008, 349]. Напоминая современному публицисту, что все апостолы, кроме Петра и Иакова, покинули Палестину и свой родной народ, чтобы проповедовать христианство язычникам, архиерей задавал Меньшикову риторический вопрос: неужели и их он считает нравственными «изменниками Отечеству»? «Как-то странно и опровергать такие „националистические“ суждения! — рассуждал владыка. — Ведь тут, очевидно, нет ни веры в Промысл

Божий, ни истинно христианского понимания дела! На небе, у ангелов Божиих, радость бывает и об одном грешнике кающемся, какой бы национальности он ни был, а в Японии обращено ко Христу до 40 000 душ: это ли не великое дело Божие? Это ли не радость — не только для небожителей, но и для нас грешных, которые не могут не радоваться спасению братьев наших во Христе? Ведь во Христе Иисусе несть еллин и иудей: в деле веры все мы родные братья, и японцы, ученики святителя Николая, на деле показали свою братскую любовь к нашим пленным, которые не могут и теперь, спустя несколько лет, без чувства глубокой благодарности вспомнить то, как японцы-христиане относились к ним в горькие дни позорного плена. Пусть публицист-националист назовет меня космополитом: я с радостью приму это название, если понимать его в христианском смысле» [Рождественский, 2008, 350]. Очевидно, что владыка Никон, являясь почетным председателем Вологодского отдела Союза русского народа, членом Совета Русского собрания и правой группы Государственного совета [Степанов, 2008, 354], никаким космополитом не был и, с точки зрения правых монархистов, являлся никак уж не меньшим борцом за русское национальное дело, чем националист Меньшиков, однако согласиться с «узким», этническим, «язычествующим» национализмом нововременского публициста никак не мог.

Возмущала архиерея и пренебрежительная фраза Меньшикова о «горсточке любителей православия», будто православная вера «есть какое-то ненужное, в сущности, занятие... а не сама жизнь». Соглашаясь с тем, что немного еще японцев приняли учение Христа, владыка Никон напоминал: «но ведь истинное христианство и есть „зерно горчичное“, и есть закваска, по притчам Христовым... и малая закваска способна заквасить все тесто». Отказаться же русскому государству и народу из националистических (т. е., по сути, эгоистических) соображений от православной миссии в Японии архиерей считал преступлением и изменой «тем заветам Христовым, тем верованиям, какими жила Русь тысячу лет: быть не только хранительницей чистой-шей спасительной веры, но и распространительницей света Христова среди народов» [Рождественский, 2008, 351].

Таким образом, заключал владыка, Меньшиков, сам того не замечая, «стоит на точке зрения японцев, узких националистов»: «И когда вспомнишь, что этот талантливый писатель-публицист стоит едва ли не во главе так называемых у нас националистов, когда представишь себе: а что если и все они так думают? — то страшно становится за Россию, за ее будущее. Мне почему-то всегда казалось, что эти люди ставят национальность впереди православия, считая последнее лишь служебным орудием для главной национальной идеи, и этой глубокой ошибкой, если не сознают ее, они погубят себя. Для русского православного народа прежде и выше всего — вера православная, а затем царь — Божий помазанник, и наконец уже — народность или, если угодно, национализм... И в самой основе народности русской лежит не что иное, как православие. Не будет этого фундамента — не будет и народности русской. И не Церковь ошибается, исполняя, по мере сил, заповедь Христову, а вы, господа националисты, мнящие построить свое здание на песке» [Рождественский, 2008, 351–352].

Антисемитизм Меньшикова, имевший в значительно большей степени характер национальный, расовый, чем религиозный, также неоднократно вызывал критику пастырей Церкви. Протоиерей и богослов А. А. Глаголев, к примеру, сетовал, что нападки на ветхозаветное еврейство, включая пророков и праведников, часто исходят «не из социал-демократических сфер, не из марксистских кругов и не из мasonicких лож, а от чисто-русских людей — националистов, поставивших задачей свою святую цель охранения народных русских святынь, из которых бесспорно первое место занимает вера христианская». Напоминая Меньшикову и другим публицистам подобного направления, что для христиан священными книгами являются как Новый, так и Ветхий Завет, о. Александр осуждал русских националистов за то, что в целях борьбы с современным им еврейством они «совершенно не интересуются вопросом, какую цену покупается эта выгода» [Глаголев, 1909, 8–9]. Так, например, Меньшиков

призывал Церковь отказаться от празднования дня памяти семи мучеников Маккавеев, поскольку Маккавей, по его мнению, «всего лишь... какие-то еврейские генералы, которых нам чтить, казалось бы, решительно не за что» [Меньшиков, 1998, 158]. (Публицист перепутал князей Хасмонейской династии с мучениками Маккавейями.) Как отмечал, опираясь на ряд примеров из творчества публициста-националиста, М. С. Агурский, «очень резко нападал на Ветхий Завет Меньшиков, один из наиболее видных идеологов т. н. прогрессивного русского национализма» [Агурский, 1979, 77]. Подобное пренебрежение Меньшикова к «еврейскому» Ветхому Завету было свойственно и ряду других представителей как националистического, так и черносотенного лагеря, что заставило архиеп. Никона (Рождественского) в 1915 г. выступить в печати с обличительной статьей против такого «национализма»: «Давно совесть требовала сказать слово правды по адресу наших почтенных патриотов в защиту святой Библии... Да, приходится не просто сказать, а крикнуть некоторым из них: „Не касайтесь Библии, не трогайте нашего Священного Писания, в котором мы, верующие, видим и знаем только Слово Божие!“ <...> Не щадят наши патриоты ни Авраама, которого Апостол называет „другом Божиим“, ни Давида, которого Церковь называет „Богоотцем“, то есть праотцем Самого Господа Иисуса Христа, ни других великих патриархов и святых мужей Ветхого Завета, которых наши ревностные антисемиты не стесняются ставить в один ряд с современными „жидами“. <...> Сказать правду: страшно становится за этих почтенных людей, пускающихся в море толкования Писаний без кормчего и позволяющих себе дерзновенно обращаться со Священным Писанием как с самую обыкновенную книгую. <...> Нельзя, грешно таких мужей священной древности, как пророк Давид, патриарх Авраам и другие, судить по Талмуду, о коем еще тогда и помысла ни у кого не было. <...> А наши публицисты забывают все это и произносят свой строгий суд на мужей древности по мере нашей современности» [Рождественский, 2008, 905]. Таким образом, также как и Меньшиков, не испытывая симпатий к современному ему иудаизму и безрелигиозной еврейской интеллигенции, архипастырь, вместе с тем оставаясь верным православной традиции, горячо протестовал против «племенного» антисемитизма и попыток светских публицистов-националистов изображать ветхозаветный иудейский народ, его праведников и все его священные тексты в негативном свете.

К 1917 г., как отмечает исследователь взглядов Меньшикова А. С. Орлов, религиозные представления публициста представляли собой, «при взгляде с позиций официальной Церкви, по меньшей мере, ересь». «Ересь» эта заключалась в «создании весьма радикального и оригинального взгляда на христианство», которое публицист после революционных событий стал трактовать «неразрывно с социалистической теорией» [Орлов, 2012а, 291]. Бывший толстовец, затем русский националист, защитник православия и в то же время его критик, незадолго до своей трагической кончины М. О. Меньшиков летом-осенью 1917 г. записал в дневнике, как бы подводя итог своим размышлениям о христианстве: «Христианство (как буддизм и другие нравственные учения) вполне естественно и достижимо, но лишь для крохотного меньшинства людей, для родившихся святыми. Такие есть и всегда будут, но на крохотном меньшинстве населения нельзя строить добровольной реформы. Ясно, как Божий день, что подавляющее большинство внесет во всякую реформу свою недобрую волю и извратит всякое великое учение. „Христианство не удалось“, говорит герой Достоевского, и это, к глубокому сожалению, совершенно верно. Социализм есть великая догадка о том, что христианство нужно делать, как железные дороги или тоннели, не проповедуя, а решая какой-то властной волей. <...> Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Соединяйтесь прежде всего чтобы выслушать великую весть: есть спасение от всех бед и зол. Есть живое и всемогущее существо, которое воистину может быть Мессией гибнущего человечества и сыном Божиим, посланным на Землю. Этот спаситель — вы сами, сами соединитесь для великой цели общего спасения. Что нужно? Нужна прежде всего власть, способность заставить всех подчиниться одному закону. <...> Пролетарии объявят врагами тех, кто возбуждает войну, чтобы удержать власть,

и тех, кто насильственно или хитрой уловкой отбирает у рабочих крупную долю заработка. Объявят капитал и орудия производства общим достоянием народов. Объявят общую трудовую повинность при посредстве общего капитала и орудий труда. Объявят общее право на продукты производства. Объявят основы частной жизни — труд и самопожертвование — не добровольным, а обязательным для каждого делом. Тогда настанет царство Божие, то есть власть разумных и добрых основ жизни» (Цит. по: [Орлов, 2012а, 293]).

Провозгласив социализм «христианством, освободившимся от мистики», «эволюцией религии», и отказавшись о православного учения о Всевышнем, Меньшиков в очередной раз показал всю противоречивость и непостоянство своих взглядов, также доказав правоту его многолетнего критика с консервативных православных позиций архиеп. Никона (Рождественского), неоднократно предупреждавшего публициста об опасностях, которые таило «язычествующее богословие» меньшековского национализма. И, как справедливо отмечают биографы М. О. Меньшикова, религиозные метания публициста наглядно демонстрируют, «что поиск своего понимания Бога вне опоры на исторически сложившуюся христианскую традицию приводит в конечном счете к отрицанию если не всех, то многих церковных догматов» [Санькова, Орлов, 2017, 196]. Национализм Меньшикова, практически не сдерживаемый и не облагораживаемый православным мировоззрением, оказался также крайне непостоянным, проделав причудливую эволюцию от защиты царского самодержавия до его поношения; от апологии частной собственности и критики социалистического «иждивенчества» до прославления принципов социализма; от ярого антигерманизма до надежд на изгнание большевиков при помощи германской оккупации [Репников, Санькова, 2010, 292–294]. Многие современники сравнивали переменчивость М. О. Меньшикова то с флюгером, то с маятником. Не был исключением и архиеп. Никон, вынесший объекту своей многолетней критики следующий вердикт: «Жаль человека, который, как маятник, качается из стороны в сторону... То уверяет, что христианство становится пережитком и на смену ему идет язычествующий буддизм; то стоит за веру в Бога, хотя о христианстве прямо не говорит... Таков г. Меньшиков в своих фельетонах в „Новом Времени“. <...> Вот почему к приветствиям и благопожеланиям г. Меньшикова приходится отнестись осторожно: основная мысль, что спасение в вере — безусловно верна, но понимать под верою надобно то, что разумеет святая Церковь, а не то, что понимают... публицисты, вроде г. Меньшикова» [Рождественский, 2008, 485–486].

Подводя итог, приходится признать, что с церковной точки зрения критика взглядов М. О. Меньшикова архиеп. Никоном (Рождественским) имела под собой все основания. А потому попытки современных поклонников творчества этого несомненно яркого и незаурядного публициста национального направления замалчивать или «не замечать» его более чем спорных и непостоянных религиозных воззрений, а тем более пытаться представить его чуть ли не богословом и верным чадом Православной Церкви если не злонамеренны, то ошибочны. Не являясь атеистом и богоборцем, Меньшиков, тем не менее, был далек от традиционного православного мировоззрения и церковности, что, в конечном счете, несмотря на ряд его выступлений в печати в поддержку православия и православных, привело публициста к фактическому разрыву с Церковью. Неоднократно меняя свои политические взгляды, Меньшиков не был постоянен и в вопросах веры. Охарактеризовав в одной из своих критических статей взгляды Меньшикова как «язычествующий национализм», владыка Никон, как представляется, довольно точно определил «недуг» публициста. Не являясь язычником, Меньшиков, в силу своего расового, этнического национализма, все больше «язычествовал», пытаясь приспособить вселенские ценности православия исключительно к нуждам русской нации, причем в том виде, как он их сам понимал. А поскольку православие оказывалось гораздо глубже и шире узкого национализма и никак «не вписывалось» в него полностью, неизбежно было и разочарование в нем публициста. Кроме того, критика религиозных взглядов Меньшикова, исходившая

не только от иерарха Церкви, но и от представителя правоконсервативного лагеря, наглядно показывает те принципиальные отличия, которые существовали в начале XX в. между носителями идеи традиционного русского консерватизма, для которого православие оставалось основополагающей ценностью, и нарождавшегося светского национализма, видевшего в религии лишь систему нравственных постулатов, «полезных» для русского народа.

Источники и литература

Источники

1. Глаголев (1909) — *Глаголев А. А., свящ.* Ветхий Завет и его непреходящее значение в Христианской Церкви. Киев: Типография «Петр Барский», 1909. 61 с.
2. Зиоров (1911) — *Николай (Зиоров), архиеп.* Беседа, сказанная в г. Млаве в местной церкви после обедни — перед молебном // Варшавские беседы и речи архиепископа Николая (1910 г.). Вып. 3. СПб.: Государственная типография, 1911. С. 70–75.
3. Ленин (1969) — *Ленин В. И.* О национальной гордости великороссов // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 26. С. 106–110.
4. Марков (1908) — *Марков Н. Е.* Национализм без веры и царя // Свет. 1908. 26 февраля.
5. Меньшиков (1902) — *Меньшиков М. О.* Поганое в паганизме // Новое время. 1902. 1 сентября.
6. Меньшиков (1907) — *Меньшиков М. О.* Письма к ближним // Новое время. 1907. 21 января.
7. Меньшиков (1912) — *Меньшиков М. О.* Потеря сил // Новое время. 1912. 11 февраля.
8. Меньшиков (1995) — *Меньшиков М. О.* Из писем к ближним. XLII. О гробе и колыбели // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Кн. 1. СПб.: Издательство РХГИ, 1995. С. 325–331.
9. Меньшиков (1998) — *Меньшиков М. О.* Выше свободы: Статьи о России. М.: Современный писатель, 1998. 458 с.
10. Меньшиков (2002) — *Меньшиков М. О.* Письма к русской нации / Сост., вступ. ст. и примеч. М. Б. Смолина. М.: Москва, 2002. 555 с.
11. Меньшиков (2003) — *Меньшиков М. О.* Вечное воскресение (Сборник статей о Церкви и вере). М.: Русский вестник, 2003. 174 с.
12. Меньшиков (2003) — *Меньшиков М. О.* Третья культура // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимен, Пренса, 2003. С. 40–42.
13. Меньшиков (2007а) — *Меньшиков М. О.* Как воскреснет Россия? Избранные статьи / Сост. С. В. Харитонов, предисл. М. Б. Смолина. СПб.: Русская симфония, 2007. 672 с.
14. Меньшиков (2007b) — *Меньшиков М. О.* Русское пробуждение / Под ред. В. С. Чижевского. М.: Книжный мир, 2007. 416 с.
15. Меньшиков (2012) — *Меньшиков М. О.* Великорусская идея / Сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 720 с.
16. Рождественский (2008) — *Никон (Рождественский), архиеп.* «Козни врагов наших круши...»: дневники. М.: Сибирская благовонница, 2008. 1234 с.
17. Храповицкий (2012) — *Антоний (Храповицкий), митр.* Нравственность черного и белого духовства. Ответ М. О. Меньшикову // *Антоний (Храповицкий), митр.* Сила православия / Сост., предисл., прим., указатель имен А. Д. Каплина. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 148–164.

Литература

18. Агурский (1979) — *Агурский М.* Борьба вокруг Ветхого Завета в России перед революцией // Вестник Русского христианского движения. 1979. № 130. С. 75–82.

19. Зверев (2013) — *Зверев Н. В.* Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова. Дис. ... канд. ист. наук, М., 2013. 199 с.
20. Камнев (2009) — *Камнев В. М.* «Национальная империя» М. О. Меньшикова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. 2009. № 4 (70). С. 84–90.
21. Орлов (2012a) — *Орлов А. С.* «Христианство не удалось». «Путь спасения». Фрагменты дневников М. О. Меньшикова // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 289–298.
22. Орлов (2012b) — *Орлов А. С.* Черно-белый портрет М. О. Меньшикова // Клио. 2012. № 11 (71). С. 110–113.
23. Орлов (2015) — *Орлов А. С.* Интеллектуальная биография, социально-философские взгляды и публицистическая деятельность М. О. Меньшикова до начала работы в «Новом времени». Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2015. 207 с.
24. Поспелов (2003) — *Поспелов М. Б.* Темы Церкви и веры в жизни и смерти М. О. Меньшикова // *Меньшиков М. О.* Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере). М.: Русский вестник, 2003. С. 6–17.
25. Распутин (2003) — *Распутин В. Г.* Журналист // *Меньшиков М. О.* Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере). М.: Русский вестник, 2003. С. 173–174.
26. Репников, Санькова (2010) — *Репников А. В., Санькова С. М.* Меньшиков Михаил Осипович // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 289–295.
27. Савельев (2007) — *Савельев А. Н.* Русское сердце Михаила Меньшикова // Меньшиков М. О. Русское пробуждение / Под ред. В. С. Чижевского. М.: Книжный мир, 2007. С. 7–18.
28. Санькова (2011) — *Санькова С. М.* Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии. Орел: Госуниверситет; УНПК, 2011. 224 с.
29. Санькова, Орлов (2017) — *Санькова С. М., Орлов А. С.* Михаил Меньшиков. СПб.: Наука, 2017. 252 с.
30. Смолин (2007) — *Смолин М. Б.* Гений десятой музы // *Меньшиков М. О.* Как воскреснет Россия? Избранные статьи / Сост. С. В. Харитонов, предисл. М. Б. Смолина. СПб.: Русская симфония, 2007. С. 5–12.
31. Степанов (2008) — *Степанов А. Д.* Никон (Рождественский) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. С. 353–355.
32. Стукалов (2011) — *Стукалов П. Б.* Политические и правовые учения в России во второй половине XIX — начале XX века: Всероссийский национальный союз и его идеологии. Воронеж: Воронежский институт ФСИН России, 2011. 175 с.

Andrey Ivanov. The Orthodox Conservatism of Archbishop Nikon (Rozhdestvensky) against the “Pagan” Nationalism of M. O. Menshikov.

Abstract: The article analyzes the religious views of the popular publicist of the beginning of the 20th century M. O. Menshikov and their criticism by the famous theologian Archbishop Nikon (Rozhdestvensky). The material of the publications of pre-revolutionary periodicals and sources of personal origin shows the inconstancy and inconsistency of Menshikov's religious beliefs, their constant transformation, the result of which was the disillusionment of the journalist in the transformative possibilities of Christianity and the Church. It is indicated that, in spite of the current view of Menshikov in modern literature as the faithful son of the Orthodox Church, this position is erroneous. Archbishop Nikon's many years of criticism of Menshikov's religious component of journalism revealed the journalist's gross misconceptions and pointed out the incompatibility of his narrow nationalist approach to the issues of the Orthodox faith and church life. It seems that describing Menshikov's nationalism as “pagan”, Nikon rather accurately defined both his essence and the threats concealed in Russian nationalism, which was not ennobled and not restrained by the canonical teaching of the Orthodox Church. On the example of the disagreements of Archbishop Nikon

and Menshikov, it is also proved that, despite the perception of the rightist traditionalists (Orthodox conservatives) and Russian nationalists of the beginning of the 20th century as a united reactionary camp, there was a fundamental difference between these trends, including attitude to religious and church issues.

Keywords: Russian Orthodox Church, Nikon (Rozhdestvensky), M. O. Menshikov, “Novoye Vremya”, Orthodox conservatism, Russian nationalism, Orthodoxy, Orthodox clergy, church life, religious journalism.

Andrey Aleksandrovich Ivanov – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of History at St. Petersburg State University (andrey.a.ivanov@spbu.ru).

Sources and References

Sources

1. Glagolev (1909) – Glagolev A. A., priest. *Vetkhyy Zavet i ego neprekhodyashcheye znachenie v Khristianskoy Tserkvi* [Old Testament and Its Common Meaning in the Christian Church]. Kiev: Tipografiya «Petr Barskiy», 1909. 61 p. (In Russian).

2. Khrapovitskiy (2012) – Antoniy (Khrapovitskiy), metr. Nravstvennost' chernogo i belogo dukhovenstva. Otvet M. O. Men'shikovu [Moral black and white clergy. Answer to M. O. Menshikov]. Antoniy (Khrapovitskiy), metr. *Sila Pravoslaviya* [The Strength of Orthodoxy]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2012, pp. 148–164. (In Russian).

3. Lenin (1969) – Lenin V. I. O natsional'noy gordosti velikorossov [On the National Pride of the Great Russians]. Lenin V. I. *Complete Works*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1969, vol. 26, pp. 106–110. (In Russian).

4. Markov (1908) – Markov N. E. Natsionalizm bez very i tsarya [Nationalization Without Faith and a Tsar]. *Svet*. 26.02.1908. (In Russian).

5. Men'shikov (1902) – Men'shikov M. O. Poganoye v paganizme [Nasty in Paganism]. *Novoye vremya*. 01.09.1902. (In Russian).

6. Men'shikov (1907) – Men'shikov M. O. Pis'ma k blizhnim [Letters to Neighbors]. *Novoye vremya*. 21.01.1907. (In Russian).

7. Menshikov (1912) – Men'shikov M. O. Poterya sil [Loss of Strength]. *Novoye vremya*. 11.02.1912. (In Russian).

8. Men'shikov (1995) – Men'shikov M. O. Iz pisem k blizhnim. XLII. O grobe i kolybeli [From Letters to Neighbors. XLII. About the Coffin and the Cradle]. V. V. Rozanov: *pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya, t. 1* [V. V. Rozanov: *pro et contra. Personality and Works of Vasilii Rozanov appreciated by the Russian Thinkers and Researches. Antology, vol. 1*]. Saint Petersburg: RKHG Publ., 1995, pp. 325–331. (In Russian).

9. Men'shikov (1998) – Men'shikov M. O. *Vyshe svobody: Stat'i o Rossii* [Above Freedom: Articles About Russia]. Moscow: Sovremennyy pisatel', 1998, 458 p. (In Russian).

10. Men'shikov (2002) – Men'shikov M. O. *Pis'ma k russkoy natsii* [Letters to the Russian Nation]. Moscow, 2002, 555 p. (In Russian).

11. Men'shikov (2003) – Men'shikov M. O. *Vechnoye voskreseniye. (Sbornik statey o Tserkvi i vere)* [Eternal Resurrection (Collection of Articles About the Church and Faith)]. Moscow: Russkiy vestnik, 2003, 174 p. (In Russian).

12. Men'shikov (2003) – Men'shikov M. O. Tret'ya kul'tura [The Third culture]. *Natsiya i imperiya v russkoy mysli nachala XX veka* [Nation and Empire in Russian Thought in the Early 20th Century]. Moscow: Skimen, Prensya, 2003, pp. 40–42. (In Russian).

13. Men'shikov (2007a) — Men'shikov M. O. *Kak voskresnet Rossiya? Izbrannyye stat'i* [How Will Russia Be Resurrected? Selected Articles]. Saint Petersburg: Russkaya simfoniya, 2007, 672 p. (In Russian).
14. Men'shikov (2007b) — Men'shikov M. O. *Russkoye probuzhdeniye* [Russian Awakening]. Moscow: Knizhnyy mir, 2007, 416 p. (In Russian).
15. Men'shikov (2012) — Men'shikov M. O. *Velikorusskaya ideya* [Great Russian Idea]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2012, vol. 1, 688 p.; vol. 2, 720 p. (In Russian).
16. Rozhdestvenskiy (2008) — Nikon (Rozhdestvenskiy), archbishop. *"Kozni vragov nashikh sokrushi...": dnevniki*. ["Defeat the Enemies of Ours...": Diaries]. Moscow: Sibirskaya blagozvonitsa, 2008, 1234 p. (In Russian).
17. Ziorov (1911) — Nikolay (Ziorov), archbishop. *Beseda, skazannaya v g. Mlave v mestnoy tserkvi posle obedni — pered molebnom* [Conversation, Said in the Town of Mlawa in the Local Church After the Liturgy — Before the Prayer Service]. *Varshavskiy besedy i rechi arkhiepiskopa Nikolaya (1910)* [Conversations and Speeches of Archbishop Nikolay in Warsaw (1910)]. Vol. 3. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1911, pp. 70–75. (In Russian).

References

18. Agurskiy (1979) — Agurskiy M. Bor'ba vokrug Vetkhogo Zaveta v Rossii pered revolyutsiyey [The struggle around the Old Testament in Russia before the revolution]. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya*, 1979, no. 130, pp. 75–82. (In Russian).
19. Kamnev (2009) — Kamnev V. M. «Natsional'naya imperiya» M. O. Men'shikova ["National Empire" of M. O. Menshikov]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 3: Obshchestvennyye nauki*, 2009, no. 4 (70), pp. 84–90. (In Russian).
20. Orlov (2012a) — Orlov A. S. «Khristianstvo ne udalos'». «Put' spaseniya». Fragmenty dnevnikov M. O. Men'shikova ["Christianity Failed." "The Way of Salvation." Fragments of the Diaries of M. O. Menshikov]. *Vestnik arkhivista*, 2012, no. 3, pp. 289–298. (In Russian).
21. Orlov (2012b) — Orlov A. S. Cherny-belyy portret M. O. Men'shikova [Black and white portrait of M. O. Menshikov]. *Klio*, 2012, no. 11 (71), pp. 110–113. (In Russian).
22. Orlov (2015) — Orlov A. S. *Intellektual'naya biografiya, sotsial'no-filosofskiy vzglyad i publitsisticheskaya deyatel'nost' M. O. Men'shikova do nachala raboty v "Novom vremeni"* [Intellectual Biography, Social and Philosophical Views and Journalistic Activities of M. O. Menshikov Before Starting Work in "Novoye Vremya"]. Cand. hist. sci. diss. Orel, 2015. 207 p. (In Russian).
23. Pospelov (2003) — Pospelov M. B. Temy Tserkvi i very v zhizni i smerti M. O. Men'shikova [Themes of the Church and Faith in the Life and Death of M. O. Menshikov]. *Menshikov M. O. Vechnoye voskreseniye. (Sbornik statey o Tserkvi i vere)* [Eternal Sunday. (Collection of articles about the Church and Faith)]. Moscow: Russkiy vestnik, 2003, pp. 6–17. (In Russian).
24. Rasputin (2003) — Rasputin V. G. Zhurnalists [The Journalist]. *Menshikov M. O. Vechnoye voskreseniye. (Sbornik statey o Tserkvi i vere)* [Eternal Sunday. (Collection of articles about the Church and Faith)]. Moscow: Russkiy vestnik, 2003, pp. 173–174. (In Russian).
25. Repnikov, San'kova (2010) — Repnikov A. V., San'kova S. M. Men'shikov Mikhail Osipovich. *Russkiy konservatizm serediny XVIII — nachala XX veka: entsiklopediya* [in Russian Conservatism of the Middle 18th — Early 20th Century: Encyclopedia]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010, pp. 289–295. (In Russian).
26. Savel'yev (2007) — Savel'yev A. N. Russkoye serdtse Mikhaila Men'shikova [Russian Heart of Mikhail Menshikov]. *Menshikov M. O. Russkoye probuzhdeniye* [Russian Awakening]. Moscow: Knizhnyy mir, 2007, pp. 7–18. (In Russian).
27. San'kova (2011) — San'kova S. M. *Dva litsa «Novogo vremeni»*. A. S. Suvorin i M. O. Men'shikov v zerkale istoriografii [Two Faces of "Novoe vremya". A. S. Suvorin and M. O. Menshikov in the Mirror of Historiography]. Orel: Gosuniversitet; UNPK, 2011, 224 p. (In Russian).
28. San'kova, Orlov (2017) — San'kova S. M., Orlov A. S. *Mikhail Men'shikov*. Saint Petersburg: Nauka, 2017, 252 p. (In Russian).

29. Smolin (2007) — Smolin M. B. Geniy desyatoy muzy [Genius of the Tenth Muse]. Menshikov M. O. *Kak voskresnet Rossiya? Izbrannyye stat'i* [How Will Russia Be Resurrected? Selected Articles]. Saint Petersburg: Russkaya simfoniya, 2007, pp. 5–12. (In Russian).
30. Stepanov (2008) — Stepanov A. D. Nikon (Rozhdestvenskiy). *Chernaya sotnya. Istoricheskaya entsiklopediya. 1900–1917* [Black Hundred. Historical Encyclopedia. 1900–1917]. Moscow: Kraft; Institut russkoy tsivilizatsii, 2008, pp. 353–355. (In Russian).
31. Stukalov (2011) — Stukalov P. B. *Politicheskiye i pravovyye ucheniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka: Vserossiyskiy natsional'nyy soyuz i ego ideologi* [Political and Legal Doctrines in Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century: the All-Russian National Union and Its Ideologists]. Voronezh: Voronezhskiy institut FSIN Rossii, 2011, 175 p. (In Russian).
32. Zverev (2013) — Zverev N. V. *Obshchestvenno-politicheskiye vzglyady M. O. Men'shikova* [Socio-Political Views of M. O. Menshikov]. Cand. hist. sci. diss. Moscow, 2013, 199 p. (In Russian).